ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Лит. газета — 1992 — 6 мая (с 19) — с 13

Игорь ЗОЛОТУССКИЙ

Обломов и штольцы

О, как нам в школе твердили, что Штольц «выше» Обломова, что он, конечно, «немец», рационалист, но не болтун, не лежебока, а *мотор* — с такими Россия не пропадет. Они покроют ее фабриками, пустят живую кровь по ее жилам, освежат, обновят, вытащат увязшую в глине гоголевскую тройку и поставят на твердую европейскую дорогу.

Русские штольцы явились, размножились, и тут мы увидели, что у них в руках не угломер, не ватерпас и не другие орудия строительства, а кастет и кинжал, бомба и револьвер, а в голове — Марксова экономическая теория, разрешающая убивать и грабить.

Эти штольцы не умели работать — они умели разрушать, они «брали» банки, наклеивали фальшивые усы и бороды, печатали фальшивые документы и давали друг другу партийные клички.

Это были мастера провокаций, обмана, плетения революционной паутины, которая, затянув на их горле свои нити, отправила их на тот свет.

Штольцы скушали штольцев — вот итог этой, как говорил Булгаков, исторической «оперетки».

Но на нашу погибель они воскресли из праха. И вновь стали делить людей на «правых» и «левых», стали петь старые песни: кто не с нами, тот против истины.

Современные штольцы пропахали всего Достоевского, а некоторые даже надели на шею крест, но ничему не научились. Вместо того чтобы остановить несчастную страну, дать ей передохнуть, осмотреться, они силой гонят ее в «цивилизованное сообщество», где будут только одни «наши» и не будет никаких «не наших».

И снова, как и в XIX веке, из-за спины этих «сильных людей» всплывает фигура героя Гончарова, чье имя эти люди заклеймили одним словом: «обломовщина».

Гончаров — пожалуй, самый «спокойный» из гениев русской литературы. Гений в России — фигура мятущаяся, мятежная. Проза Гончарова похожа на Волгу в ее срединном течении, как раз под Симбирском, где он родился: ровное зеркало воды, уходящие к горизонту рукава и затоны. Гончаров не оспаривает ни церкви, ни власти, ни социальных твердынь, его идеал — н о р м а, понятие, кажется, противопоказанное русскому характеру, который весь — максима, преувеличение, край и катастрофа.

Гончаров подарил нам «Обломова» — этим все сказано. Сегодня мы видим в нем ЕСТЕСТВЕННОГО ЧЕЛОВЕКА, видим равновесие и взвешенность, которых так не хватает в настоящей жизни. Обломов — воплощение эволюции, которая, в противовес революции, не ломает человека, не ломает истории, а предоставляет им право развиваться свободно, плавно и невозмутимо.

Перечитывая страницы великого романа, удивляешься не только кроткой, «голубиной» душе Обломова, но и его уму, его проницательности, его почти вещему предвидению того, что грозит России. Споря с литератором Пенкиным, гордящимся своими обличениями пороков общества, Обломов, «воспламенившись», говорит: «...Изобрази вора, падшую женщину, надутого глупца, да и человека тут же не забудь. Где же человечность-то? Вы одной головой хотите писать!.. Вы думаете, что для мысли не надо сердца. Нет, оно оплодотворяется любовью. Протяните руку падшему человеку, чтоб поднять его, или горько плачьте над ним, если он гибнет, а не глумитесь. Любите его, помните в нем самого себя и обращайтесь с ним, как с собой, — тогда я стану вас читать и склоню перед вами голову».

Не нужно быть богословом, чтобы вспомнить — тут прямо цитируется одна из заповедей Христа: возлюби ближнего, как самого себя. И чем дальше мы от исполнения этой заповеди, тем внятней нам творение Гончарова и его дух, так врачующе действующий на современного человека.

«...Он чувствовал, — пишет Гончаров об Обломове, — что в нем зарыто, как в могиле, какое-то хорошее, светлое начало, может быть, теперь уже умершее, или лежит оно, как золото, в недрах горы, и давно бы пора этому золоту быть ходячей монетой». И недаром Штольц, тот, гончаровский, еще способный умиляться чему-либо, добавляет к этим словам: «У тебя сердце, как колодезь, глубоко!»

До этой глубины русского сердца еще не проникла современная мысль. Она все еще гуляет по поверхности, все еще привязана к злобе дня и к злобе как таковой. Голос Гончарова, доносящийся из XIX века, указывает на «светлое начало» в нас.

Читатель-позитивист ответит мне: нам нужны не обломовы, а штольцы. Нам нужны исповедники чистого ДЕЛА, мечтателей и поэтов мы уже видели. Их романтизм ни к чему хорошему не привел, за их утопии мы сейчас расплачиваемся. Но те вожатые, которые обещали нам светлую даль коммунизма, руководствовались не обломовской мечтательностью, а самым свирепым материализмом, самой свирепой ненавистью к тому, что составляло, говоря словами Гончарова, золото души русского Дон Кихота.